

УДК 091:316
ББК 60.00

МИФОЛОГЕМЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ: МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ДОЛЖНОЕ VS. ИСТОРИЧЕСКОГО СУЩЕГО

Линченко Сергей Анатольевич

Старший преподаватель кафедры социальной работы и педагогики,
Волгоградский государственный университет
seanlinchenko@mail.ru, srm@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Цыганков Александр Сергеевич

Преподаватель кафедры социальной работы,
Волгоградский государственный медицинский университет
median@yandex.ru
пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье осуществляется анализ содержания мифологем и их роли в историческом познании. Обосновывается идея о том, что структурирующим основанием мифологической интерпретации истории выступает нетождественность сущего и должного. Она фундирует содержание мифологем и посредством этого детерминирует конституирование мифоистории. Показательным примером функционирования мифоисторического сознания в современности выступает феномен остальгии, нашедший свое распространение на территории бывшего ГДР после падения Берлинской стены.

Ключевые слова: мифологема, нетождественность сущего и должного, мифоистория, остальгия, духовная жизнь общества.

В условиях развития современной цивилизации, которая тяготеет к нивелированию культурных различий, а также искажению исторической памяти, большое значение приобретает философский анализ сознательных и бессознательных оснований, которые фундируют саму возможность подобного искажения. Одной из основных форм трансформации истории в общественном сознании, наряду с ее фальсификацией, выступает мифологизация. Однако сама мифологизация является производным продуктом общественного сознательного и бессознательного, выстраиваясь в согласии с пред-данной структурой, экспликация которой позволит понять сущность процесса мифологизации исторического прошлого.

Анализом взаимосвязи мифологического и исторического в сознании социума занимались такие мыслители, как Ф. Ницше, Б. Малиновский, М. Элиаде, Ф. Рефуле, А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский, А.Я. Гуревич, В.М. Найдыш. Однако в работах данных исследователей мало места отводится анализу роли мифологем в историческом познании и их онтологическому основанию. Для его успешного осуществления необходимо проанализировать основные мифологемы, фундирующие возникновение мифоистории, выявить принцип, соотносясь с которым структурируются мифологемы, показать их место и роль в интерпретации истории современным общественным сознанием в Германии.

Перед тем, как перейти к анализу основных мифологем, оказывающих влияние на конституирование мифоистории в общественном сознании, необходимо первоначально определить само понятие мифологема, которое является междисциплинарным, что делает нечетким его дефиницию. Неоднозначность определения сущностных характеристик понятия «мифологема» можно, по-видимому, «рассматривать как следствие обращенности исследователей к разным аспектам этого феномена в русле исторически сложившихся школ изучения мифа» [5, с. 209]. В данной работе под термином мифологема будет пониматься устойчивая сюжетная форма, которая черпает свою статичность и неизменность из архетипического начала, но в отличие от архетипа обладает содержанием, детерминированным особенностями развития исторической эпохи.

Среди ключевых мифологем, фундирующих существование мифоистории следует выделить мифологемы «идеального общества», первочеловека (идеального человека) и Конца Света. В зависимости от культурно-исторической эпохи, содержание данных мифологем претерпевает изменение, но сама форма остается неизменной.

Говоря о мифологеме «идеального общества», необходимо отметить, что она может быть представлена различными сюжетами, содержаниями. Под «идеальным обществом» в сознании социума может подразумеваться империя, как это было в Римской Империи, христианское государство во главе с христианским правителем, гражданское демократическое общество и пр. [1] Также вариативными являются и внутренние составляющие «идеального общества», к примеру, его национальный или религиозный состав. Данные переменные, которые присутствуют в содержании мифологемы «идеального общества», обуславливаются существованием общественного сознания в историческом времени, то есть его изменением, трансформациями, взаимосвязанными с уровнем развития социума в целом. Важной характеристикой мифологемы «идеального общества» выступает его временная отнесенность либо к прошлому, либо к будущему. В зависимости от доминирующей в общественном сознании модели времени, циклической или линейной,

идеальное общество помещается или в будущее, что говорит о том, что в прошлом и в настоящем его нет, или в прошлое, это указывает на то, что его нет в будущем и в настоящем. Данная соотнесенность мифологемы с прошедшим и будущим модусами времени оказывает значительное влияние на мифологизацию истории. Так, в традиционном немонотеистическом мировоззрении «идеальное общество» помещалось в прошлое, исходя из этого, приобретала свою специфику и мифологическая интерпретация истории. Существовавшие в общественном сознании жителей Мезоамерики представления о том, что «Золотой век» (один из вариантов содержания мифологемы «идеального общества») был в прошлом, повлияли на содержание мифоистории. Появление европейцев было воспринято туземным населением как возвращение древних богов, и возвращение в «Золотой век», то есть в прошлое. Европейцы не рассматривались в качестве ранее не виданных существ, но напротив, воспринимались как вестники идеального прошлого, что, во многом, и предопределило неадекватное отношение туземцев к иностранным завоевателям. Иными словами, иностранцы не были восприняты как нечто новое, то есть как то, что не существовало ранее, как то, чего не было в прошлом, но напротив, проинтерпретированы, поняты как уже случавшееся ранее. Иной акцент приобретает мифоистория тогда, когда мифологема «идеального общества» пребывает в модусе будущего времени. Яркий пример дают христианские историки в период западноевропейского Средневековья, которые подвергали негативной интерпретации дохристианское прошлое, так как в этом прошлом не существовало, по их мнению, путей к достижению идеального состояния, которое возможно лишь в будущем.

Переходя к рассмотрению мифологемы идеального человека (первочеловека), следует сказать, что он есть цель существования человека. В религиозной традиции идеальный человек и первочеловек зачастую являются гомогенными образами. Так, Адам есть пра-родитель всех людей, согласно христианской мифологии, но он же является тем, кто жил в райском саду Эдеме до своего грехопадения. Таким образом, он есть причина появления

человека и цель его существования, то есть персонифицирует собой желания достижения райского, «идеального» состояния. Адам до грехопадения и изгнания из Эдема является безгрешным, абсолютно «чистым» существом, то есть воплощает идеал христианской религии в целом. Достижение подобного состояния возможно лишь посредством веры в монотеистического христианского Бога, без которого миф о первочеловеке Адаме невозможен. В нерелигиозном сознании образ идеального человека, как правило, не совпадает с образом первочеловека, он может быть представлен в виде рационального члена гражданского общества. Наряду с мифологемой идеального человека существует и ее противоположный вариант, который с ней неразрывно взаимосвязан. Данная мифологема оказывает значительное влияние на интерпретацию истории посредством того, что выступает одним из оснований, опираясь на которое реализуется оценка общественным сознанием тех или иных исторических событий. Так, интерпретация исторического события сознанием социума может варьироваться в зависимости от того, насколько совпадает образ человека или народа в целом, который явился творцом данного события, с содержанием мифологемы идеального человека. К примеру, в общественном сознании, существовавшем в нацистской Германии, некоторые исторические события, в которых принимали участие евреи, представлявшиеся в качестве антиподов идеального человека, приобретали негативное значение, мифологизировались. Схожий механизм воздействия мифологемы идеального человека на интерпретацию исторической событийности возможно наблюдать и в современных демократических государствах. Мифологема идеального человека также как и мифологема «идеального общества» соотносится с двумя модулями времени. Идеальный человек мог жить в прошлом, что обуславливает необходимость подражания некому мифологизированному историческому образцу, а также может жить в будущем, что фундаментирует необходимость отказа от мифологемы «идеального человека», существовавшей в прошлом.

Мифологема Конца Света напрямую взаимосвязана с представлением о том, что пос-

ле завершения истории человечества наступит новая эра, в которой и будет на практике реализовано «идеальное общество». В мифологических сюжетах, существовавших в культуре традиционного общества, мифологема Конца Света представлялась в образе хаоса, за которым непременно наступит идеальное состояние. В христианстве данная мифологема представлена сюжетом Судного дня, Апокалипсиса, в результате которого каждому воздастся по делам его, то есть праведники смогут попасть в Рай, а грешники в Ад. В нерелигиозном сознании Конец света мог быть манифестирован в образе революции, которая полностью ломает устаревшие, несправедливые и неидеальные порядки, то есть создает хаос, из которого возникает новое «идеальное общество». Влияние данной мифологемы на интерпретацию исторической событийности детерминировано тем, что человеческое бессознательное, на глубинном уровне не признает конечности, смертности. Иными словами, «Конец света» является завершением чего-то неистинного, неправильного. Основываясь на данной пресуппозиции, реализуется интерпретация исторической событийности. «Конец света» представляется неизбежным, так как неизбежным представляется и завершение неидеального социального строя, в котором живут неидеальные люди. Во многом опираясь на мифологема Конца Света, осуществлялась интерпретация исторической событийности средневековыми историками, обозначавшими исторических врагов христианства, в качестве носителей хаоса и разрушения, противоположностей идеальному человеку, живущих в не-идеальном обществе. Показательный пример представляет интерпретация исторической событийности советскими историками, усматривающими в истории капиталистических стран все знаки близкой катастрофы и наступления социалистической формации. В отличие от мифологем «идеального общества» и человека мифологема Конца Света не столь жестко соотносится с двумя модулями исторического времени – прошлым и будущим, но все время пребывает в области ближайшего настоящего. Именно через ближайшее настоящее возможно возвращение в идеальное прошлое и прорыв в идеальное будущее.

Перво-принципом, согласующим все приведенные выше мифологемы, посредством

которого они структурируются, является различие между сущим и должным, имманентно присутствующее в человеческом сознании. При этом данный принцип не является результатом деятельности человеческой рефлексии, но, напротив, существует до любой рефлексии и сам конституирует ее. На основании данного принципа происходит синтез указанных выше мифологем в некий «идеальный мир», который является миром после Конца света, где существует идеальное общество и идеальный человек. Подчеркнем, что подобный «идеальный мир» не есть следствие рациональных размышлений, но дается общественному сознанию до любого знания о самом себе и о своей истории. Именно этот «идеальный мир» – синтез различных мифологем является универсальным дискурсом, порождающим мифоисторию. Он является горизонтом, на котором становится возможной любая интерпретация истории.

Значимая историческая событийность, которая попадает в горизонт общественного сознания, проходит через призму «идеального мира», таким образом, интерпретация истории осуществляется посредством сравнения «идеального мира» с исторической действительностью. Анализируя феноменологию человеческого восприятия, французский философ М. Мерло-Понти говорил о том, что: «Увечью и дефекту сопротивляется в нас вовлеченное в особый физический и межчеловеческий мир Я, которое продолжает тянуться к своему миру – наперекор дефектам или ампутациям и тем самым не признает их *de jure*» [7, с. 118]. В подобном ключе возможно рассматривать и появление мифологизации истории, которая есть результат столкновения неререфлексируемого «идеального мира» с исторической действительностью. Последняя не может устраивать человека, поскольку является причиной его положения в настоящем, которое не есть воплощение идеала. Возможность представления об идеальном настоящем обусловлена предварительной мифологизацией исторического прошлого человеческим сознанием, так как объективно идеального настоящего существовать не может. Действительное историческое прошлое есть, таким образом, «дефект», «недуг» для человеческого сознания, поскольку в нем невозможно найти идеала, стоя на объективных

научных позициях. Именно данная «дефектность» истории влечет за собой ее мифологизацию. Чтобы дать себе возможность жить в настоящем, общественное сознание искажает свое прошлое, которое интерпретируется им из дискурса «идеального мира», то есть из дискурса мифологем и мифологизируется по причине данной интерпретации.

Мифоистория, таким образом, есть превращение исторического сущего в историческое должное. В этом заключается истина мифа, поскольку должное сопряжено в общественном сознании с истинным. При этом необходимо отметить, что подобная истина-должное не имеет ничего общего с философскими концепциями истины-бытия по той причине, что мифологическое должное не вырабатывается-открывается посредством разума, благодаря философскому анализу. В философском познании человек «выходит за свои пределы» в пространство метафизики: «человек как мыслящее существо приравнивает свое индивидуальное «Я», индивидуальную сущность, к Бытию как таковому» [8, с. 6]. Миф лишен метафизического измерения. Бывает множество вариаций мифологического должного, представленного в различных культурах и исторических эпохах посредством многообразных содержаний мифологем, тогда как философская истина-бытие есть единое и неделимое, релевантное для любого периода истории. Подобным мифологическим должным выступали Альбигойские войны, интерпретирующиеся как борьба с еретиками, т.е. теми, кто противоречил образу «идеального человека», предварительно предав этот образ; гонения на евреев в период нацистской Германии. Истинность мифоистории заключается в том, что она искажает историческое прошлое, которое интерпретируется из пресуппозиции «идеального мира», должного. Прошлое начинает пониматься из контекста мифологем, что делает его «полностью» различимым. Мифологизирующий субъект всегда знает «истину» прошлого, поскольку понимает его на основании структур «идеального мира». Но с научной и философской точки зрения подобная «истина мифа» есть, ни что иное как заблуждение и искажение исторических фактов.

Здесь необходимо отметить, что существование немифологизированной общественной памяти в целом представляется пробле-

матичным, потому что в противном случае мы получаем феномен «разорванного сознания». Так, Гегель говорит о том, что «заштопанный чулок лучше, чем разорванный», но не относит это утверждение к самосознанию, поскольку для него именно «разорванное сознание» способно сознавать само себя. Определяя самосознание немецкий мыслитель писал, что: «В мышлении я свободен, потому что я нахожусь не в некотором другом, а просто не покидаю себя самого, и предмет, который для меня сущность, в неразрывном единстве есть мое для-меня-бытие; и мое движение в понятиях есть движение во мне самом» [2, с. 108]. Однако, для того чтобы стало возможным движение «во мне самом», то есть сознание своего сознания, последнее первоначально должно быть объективировано, то есть предварительно «разорвано». Чтобы стало возможным самосознание необходимо предварительно абстрагироваться от самого сознания, но для реализации данной операции следует сделать так, чтобы сознание перестало ровняться самому себе, стало «разорванным». Гегель говорит, что самосознание есть единство «в-себе-бытия и для-себя-бытия». Говоря иначе, сознание превращается в предмет и анализируется самим же сознанием, что обеспечивает единство субъекта и объекта познания. Но для этого необходима предварительная проблематизация сознания, выход из модальности обыденного мышления, которое не мыслит самое себя. Проблематизация сознания возможно после «разрыва сознания».

Если рассматривать проблематику самосознания в исторической перспективе, то необходимо отметить, что для объективного осознания прошлого, данное прошлое должно быть поставлено под вопрос, то есть обыденное, зачастую мифологическое представление о прошлом должно быть устранено посредством вопрошания. Вопрошание становится возможным только после предварительного «разрыва» исторического самосознания, нечто ясное и самоочевидное должно перестать быть таковым, что повлечет за собой невозможность функционирования исторического самосознания, его «разрыв». Но если научные проблемы заменят собой мифологию исторической памяти, то последняя столкнется со значительными трудностями в настоящем.

Если развенчать с научных или философских позиций мифоисторию, реализующую себя в сознании социума, то феномены будут заменены фактами. Феномен есть то, что «показывает себя, самокажущее, очевидное... то, в чем нечто обнаруживает себя, само по себе способно стать видным» [10, с. 28]. Факт же сам по себе невидим, он есть результат объективного рассмотрения, для которого необходима предварительная отчужденность от того, что объективируется.

Постановка под вопрос исторического прошлого, подразумевает под собой сомнение в том, что мои знания о прошлом соответствуют действительному прошлому. Следовательно, я подразумеваю возможность своего не знания или не истинного знания прошлого, которое, в свою очередь, не даст возможность «беззаботно» функционировать моему историческому сознанию в настоящем, то есть будет привлекать к себе внимание, заботить и тем самым оставлять без покоя. Но именно в покое, который дает «знание» о прошлом, возможно существование обыденного (ненаучного) исторического сознания в настоящем. Знание о незнании прошлого, иными словами, исторические проблемы, осложняет бытие общественного сознания в настоящем, так как лишает его возможности оценки происходящих исторических событий, которая возможна при наличии безпроблемного, следовательно, «безпробельного» знания о прошлом. Исходя из этого демифологизация исторического прошлого приведет к «разрыву» общественного сознания и невозможности его привычного функционирования. Перед человеком «открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы» [12, с. 32–33]. Хотя, безусловным является то, что для исторической науки осознание прошлого возможно только на проблемном уровне.

М. Мерло-Понти пишет при анализе феномена «фантомных болей»: «Обладать фантомной рукой – значит быть готовым ко всем действиям, на которые способна только рука, значит сохранить то поле деятельности, которое мы имели до увечья» [7, с. 118]. Рассматривая данное высказывание в интересующем нас мифоисторическом ракурсе, следует сказать, что мифологизация истории обществен-

ным сознанием переводит его в модус забвения исторической действительности. Когда мир в общественном сознании начинает казаться таким, каким он и должен быть, то эта кажимость может наступить только по причине произошедшего ранее процесса мифологизации истории, насущные, на-стоящие проблемы становятся незаметными, забываются. Припоминая мифологемы, мы забываем не только историческую, но и на-стоящую действительность. Так, к примеру, актуализация мифологем, вызванная военными действиями, может привести к забвению общественным сознанием экономических и политических трудностей внутри страны. Ярким примером забвения настоящих исторических проблем по причине мифологизации исторической событийности может служить позиция большевиков в период Первой мировой войны. Призывы к бойкоту военных действий, основывались на представлениях об идеальном человеке и обществе, которые вели к специфической форме интерпретации мировой войны и ее исторических причин. Война представлялась как последний бой империалистических держав, в котором они будут уничтожены всемирной революцией, то есть интерпретировалась из дискурса мифологемы Конца Света. Данный процесс забвения, обусловленный припоминанием, выступает нормальным способом функционирования человеческой памяти. «Память – это способность, обеспечивающая запоминание (закрепление и сохранение), воспроизводство (припоминание), а также вытеснение из активного сознания (забывание)» [6, с. 33].

Подобная функция мифоистории, обеспечивающая переход исторической и на-стоящей действительности в модус забвения, может повлечь за собой негативные последствия, так как в случае забвения человеком истории за ней остается право отомстить забывшему. По причине мифологизации истории действительное на-стоящее, то есть то настоящее, на которое стоит обратить свое внимание, интерпретируется, а, следовательно, понимается через действительное прошлое, забывается, поскольку действительное прошлое мифологизируется, то есть выходит из под контроля и посредством подобного выхождения вновь вспоминается как действительное, вернее заставляет само себя

вспомнить и забыть свою мифоисторию. Иными словами, верить в миф о «добром ба-тюшке царе», который не знает о злоключениях народа введенный в неведение своими нерадивыми чиновниками, можно до тех пор, пока не случится «кровавое воскресенье». Мифоистория перестает быть для нас реальностью, когда расхождение между сущим и должным, которое она скрывает, превращает ее в абсурд, который, в свою очередь, вызывает удивление. Тогда человеческая тяга к осознанности и ясности разрушается под действием безразличной истории.

А. Камю, занимаясь аналитикой абсурда в своем эссе «Миф о Сизифе» писал, что «Сизиф – абсурдный герой. Такой он и в своих страстях, и в страданиях. Его презрение к богам, ненависть к смерти и желание жить стоили ему несказанных мучений» [4, с. 305]. Подобным презрением к истории отличается и мифологизирующее сознание. Оно не замечает объективного хода исторического процесса, то есть остается незатронутым им, посредством оставления его без внимания, поскольку все, на чем фиксируется внимание, задевает сознание. Так же Сизиф не замечает необходимости смерти и кары, которая следует за подобное игнорирование объективных фактов. Сама абсурдность ситуации заключается в том, что стремления и желания человека терпят фиаско по причине наличия безразличной необходимости, в данном случае необходимости смерти-времени-истории. Абсурдность исторической ситуации фундирует актуализацию модусов забвения и припоминания. Историческая действительность обращает на себя внимание через абсурдность своего несовпадения с мифологической, и посредством этого заставляет себя вспомнить, а вспомнив осознать. В тоже время мифологема подвергается временному забвению или модифицирует свой сюжет полностью. Но в отличие от Сизифа, который обречен на вечные страдания по причине осознания безрезультатности и бесцельности своей деятельности: «Сизиф, пролетарий богов, бессильный и бунтующий, знает о бесконечности своего печального удела; о нем он думает вовремя спуска. Ясность видения, которая должна быть его мукой, обращается в его победу» [4, с. 306], общественное сознание быстро при-

способливается к «новым» историческим реалиям посредством изменения содержания мифологем и трансформации сюжета всего «идеального мира» в целом.

При разрушении мифоистории никуда не исчезает «идеальный мир», мифологемы могут лишь изменить свое содержание, но не исчезнуть навсегда. Забывая на время «идеальный мир», мы все равно продолжаем быть теми, у кого он есть. Память есть не только то, что мы помним, но и то, что мы забываем. При этом забытое нами играет не менее важную роль в нашей интерпретации истории, чем то, что мы помним в данный, актуальный момент времени. «Мир есть только по способу экзистирующего присутствия, которое фактично есть как бытие-в-мире» [10, с. 28].

Показательный пример мифологизации истории общественным сознанием из дискурса «идеального мира» дает современная история Германии. До падения Берлинской стены и объединения западных и восточных немцев, в сознании последних доминировала мифологема «идеального общества», в содержании которой наблюдалась идея о том, что немцы должны стать единым народом. Идеальным человеком представлялся выходец из Западной Германии, который может без ограничений наслаждаться плодами капиталистической экономики. «Конец света» представлялся в качестве разрушения такого геополитического образования как ГДР, после чего вся Германия превратится в ФРГ, все немцы станут «западными», то есть наступит «идеальный мир». Исходя из данного содержания мифологем, интерпретировалась история, в которой демонизировался СССР, а также негативной оценке подвергалась деятельность просоветского правительства. Восточные немцы ожидали от присоединения к «сытой», «зажиточной» и «стабильной» Западной Германии общественную интеграцию и повышения их собственного уровня жизни [13]. Однако после падения стены и воссоединения Западной и Восточной Германии историческая действительность обратила на себя внимание восточных немцев, посредством абсурда, несовпадения ожидаемого «идеального» с исторической действительностью. Западные немцы перестали соответствовать мифологеме идеального человека и превратились скорее в его противоположность,

в Wessi. Немецкий словарь и свод правил немецкой грамматики Дуден (нем. Duden) определяет термин Wessi следующим образом: «Персона родом из старых федеральных земель (ФРГ), которая позиционирует себя как более умная и образованная в особенности в области политики и экономики, по отношению к жителям новых федеральных земель (ГДР)» [14]. Само же слово Wessi было образовано от немецкого Besserwissender, что на русский язык возможно перевести как «всезнайка» или более точно «знающий лучше».

Ввиду исторических условий, с которыми столкнулись жители бывшего ГДР, а именно с фактом того, что в ФРГ распространено равнодушное отношение к сосуществованию в пределах одного общества сказочно богатых и до неприличия бедных, началось забвение существовавшей ранее мифологемы «идеального общества» и одновременно с этим трансформация ее содержания. Подобные процессы привели к возникновению феномена остальгии (нем. Ostalgie), «тоски по Востоку», то есть в содержании мифологем произошли кардинальные изменения, теперь прошлое ГДР стало восприниматься в качестве «старых добрых времен», что, в свою очередь, вновь привело к мифологизации истории. Социально-экономические процессы не стали непосредственной причиной возникновения феномена остальгии, но детерминировали изменение содержания «идеального мира», таким образом, не было прямой взаимосвязи между социально-экономическими основаниями и пониманием прошлого, данная взаимосвязь опосредовалась мифологемами. Духовные ориентиры, векторы, существовавшие в ФРГ, были восприняты в качестве неистинных. При этом данное восприятие явилось следствием не столько рефлексивного, рассудочного исчисления потерь и приобретений, сколько результатом отторжения на безрасчетном уровне внутреннего опыта. Следует согласиться с С.Б. Токаревой, что: «внутренний опыт может быть смутным и неясным, но может быть выражен и очень отчетливо, и тогда уже не доводы разума, а доводы духовной интуиции заставляют нас принимать или отказываться от определенного мировоззрения, стиля мышления и образа жизни» [9, с. 81].

Новый мифологизированный образ ГДР имеет мало общего с исторической действительностью так же как ранее в сознании восточных немцев образ ФРГ. Всерьез по настоящей, исторической ГДР никто не тоскует, но тоскуют по мифоистории, по мифу о ГДР. Как говорил М. Хайдеггер «тоска – есть боль от близости далекого», [11, с. 57] в данном случае тоскуется не о историческом ГДР, но именно об «идеальном мире», который безвозвратно далеко, то есть в прошлом, и в тоже время, невыносимо близко, то есть в настоящем. Попытка удержать несуществующее прошлое проявляет себя в создании музеев на территории бывшего ГДР, занимающихся сбором и хранением оставшихся вещей-символов, которые способны актуализировать мифологемы в памяти общества. «В одном из типичных индустриальных порождений не слишком красивой действительности ГДР – городе под названием Айзенхюттенштадт – спустя несколько лет после воссоединения Германии был создан музей этой самой действительности. Задача музея и связанного с ним научно-исследовательского проекта – документация быта ГДР» [3, с. 51].

Подобная остальгия проявила себя не только в искажении исторического прошлого, но также в трансформации культурного и экономического бытия немцев. Вещи превращаются в символы. Так, на рынках бывшего ГДР большой популярностью пользуются всевозможные товары, которые были распространены в Восточной Германии. Их символизация очевидна, ее основанием является тот самый «идеальный мир», синтез мифологем, трансформация чьего содержания произошла после падения Берлинской стены. Первоначально мифологемы исказили историческое прошлое, превратив ГДР в миф о «Златом веке», и уже на основании данной мифоистории стало возможным ее воплощение в вещах, которые превратились в символы. По причине «изменения» прошлого, поменялось и восприятие действительности. Но подобная трансформация содержания мифологем не есть результат целенаправленной рациональной деятельности общественного сознания, если таковая в принципе возможна. Что-то изменилось само собой, то есть без ведома человека, и это что-то есть содержание «идеального мира».

Яркий пример взаимосвязи прошлого с настоящим через символ дает впервые выпущенный в 1957 г. автомобиль «Трабант», «Спутник», который в настоящее время является главным символом остальгии. Автомобилю даже был установлен памятник в 90-е гг. в городе Цвикау, где его производили. В период существования исторического ГДР «Трабант» был трудно доступен, кроме всего прочего обладал крайне слабыми техническими характеристиками и никак не мог соперничать с западно-германским фольксвагеном, в конкуренты которому создавался. В мифологическом ГДР «Трабант» является мечтой каждого бюргера. В историческом ГДР вызывал скорее насмешку и снисходительную улыбку. Преимущественно в Восточной Германии в настоящем времени существует большое количество объединений и союзов, члены которых посвящают свободное время изучению истории и конструкции «Траби». Следовательно, такой исторический факт истории ГДР как существование малолитражного автомобиля «Трабант», значительно уступающего по своим техническим параметрам конкурентам из капиталистических стран, превращается в мифоисторию, где автомобиль «Траби» становится символом ушедших лучших времен.

Таким образом, к основным мифологемам, которые фундируют собой возникновение мифоистории, следует отнести мифологему «идеального общества», идеального человека и Конца Света. Их содержание структурируется на основании нетождественности сущего и должного. Указанные мифологемы в своем синтезе создают «идеальный мир», который, однако, не есть порождение рационализирующего сознания, но присутствует до всякой рационализации, на его содержании конституируется сама мифоистория. При актуализации мифоистории, действительная история переходит в модус забвения, что, как правило, в перспективе приводит к негативным последствиям, которые, в свою очередь, разрушают мифоисторию через абсурдность, несогласованность субъективного виденья прошлого с его разрушающей объективностью. Сама мифоистория может восприниматься общественным сознанием как истина, поскольку структурируется на основании нетождественности сущего и должного, превращая историческое сущее в

должное. Социально-экономические основания предопределили собой возникновение абсурда, несогласованности исторической действительности и идеального представления о ней, вызвав тем самым удивление, которое актуализировало процесс трансформации мифологем в общественном сознании восточных немцев, что повлекло за собой изменение сюжетов мифоистории и появление феномена остальгии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуляихин, В. Н. Архетипы политической культуры российских граждан / В. Н. Гуляихин // *Вестник Проблемы общества и политики*. – 2013. – № 1. – С. 153–170.
2. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1992.
3. Дмитриева, М. Остальгия. Заметки о восточно-германской визуальности / М. Дмитриева // *Художественный журнал*. – 1999. – № 24. – С. 192–211.
4. Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю // *Сумерки богов*. – М.: Изд-во политической литературы, 1990.
5. Коновалова, Н. И. Мифологема как свернутый сакральный текст // Н. И. Коновалова // *Политическая лингвистика*. – 2013. – № 4. – С. 209–215.
6. Макаров, А. И. Понятие надындивидуальной памяти: философские аспекты / А. И. Макаров // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия, социология и социальные технологии*. – 2008. – № 1. – С. 32–37.
7. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб.: Ювента, 1999.
8. Миронов, В. В. Философия как событие / В. В. Миронов // *Вестник МГУ*. – 2012. – № 1. – С. 3–16.
9. Токарева, С. Б. Методологические основания анализа духовности / С. Б. Токарева // *Философия и общество*. – 2005. – № 2. – С. 80–100.
10. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Академический проект, 2013.
11. Хайдеггер, М. Кто такой Заратустра у Ницше? / М. Хайдеггер // *Топос*. – 2000. – № 1. – С. 50–65.
12. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс // *Смысл и назначение истории*. – М.: Республика, 1991.
13. Henryk, M. B. Wir lieben die Heimat / M. B. Henryk // *der Spiegel*. – 1995. – № 27. – S. 54–64.
14. Wörterbuch Duden Online. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Besserwessi>. – Title from screen.

REFERENCES

1. Gulyaikhin V.N. Arkhetipy politicheskoy kultury rossiyskikh grazhdan [Archetypes of the Political Culture of Russian Citizens]. *NB: Problemy obshchestva i politiki*, 2013, no. 1, pp. 153-170.
2. Gegel G.V.F. Fenomenologiya dukha [The Phenomenology of Spirit]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992. 444 p.
3. Dmitrieva M. Ostalgiya. Zаметki o vostochnogermanskoj vizualnosti [Ostalgie. Notes on the East German Visuality]. *Khudozhestvennyy zhurnal*, 1999, no. 24, pp. 192-211.
4. Kamyu A. Mif o Sizife. Esse ob absurde [The Myth of Sisyphus. Essays on the Absurd]. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury, 1990. 398 p.
5. Konovalova N.I. Mifologema kak svernutyy sakralnyy tekst [Mythologem as a Folded Sacred Text]. *Politicheskaya lingvistika*, 2013, no. 4, pp. 209-215.
6. Makarov A.I. Ponyatie nadyndividualnoy pamyati: filosofskie aspekty [The Concept of Supra-Individual Memory: Philosophical Aspects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya, sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2008, no. 1, pp. 32-37.
7. Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya [Phenomenology of Perception]. Saint Petersburg, Yuventa Publ., 1999. 605 p.
8. Mironov V.V. Filosofiya kak sobytie [Philosophy as an Event]. *Vestnik MGU*, 2012, no. 1, pp. 3-16.
9. Tokareva S.B. Metodologicheskie osnovaniya analiza dukhovnosti [Methodological Basics of the Analysis of Spirituality]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2005, no. 2, pp. 80-100.
10. Khaydegger M. Bytie i vremya [Being and Time]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2013. 460 p.
11. Khaydegger M. Kto takoy Zaratustra u Nitshe? [Who is Nietzsche's Zarathustra]. *Topos*, 2000, no. 1, pp. 50-65.
12. Yaspers K. Istoki istorii i ee tsel [The Origins of the History and Its Purpose]. Moscow, Respublika Publ., 1991. 527 p.
13. Henryk M. Broder. Wir lieben die Heimat [We Love Home]. *Der Spiegel*, 1995, no. 27, pp. 54-64.
14. Wörterbuch Duden Online [Duden Dictionary Online]. Available at: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Besserwessi>.

**MYTHOLOGEMS IN THE HISTORICAL COGNITION:
THE MYTHOLOGICAL DUE VS. THE HISTORICAL REAL**

Linchenko Sergey Anatolyevich

Assistant Professor,
Department of Social Work and Pedagogy,
Volgograd State University
seanlinchenko@mail.ru, srm@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Tsygankov Aleksandr Sergeevich

Teacher, Department of Social Work,
Volgograd State Medical University
median@yandex.ru
Pavshikh Bortsov Square, 1, 400131 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The content of mythologems and their role in the historical cognition are analyzed in the article. The authors justify the following idea – the non-identity of the real and the due represents the structural basis of mythological interpretation of history. This idea generalizes the content of mythologems and thereby determines the institutionalization of myth history. The authors study the phenomenon of ostalgie common on the territory of the East Germany after the fall of the Berlin wall as a significant example of myth and historical cognition functioning nowadays.

Key words: mythologem, non-identity of the real and the due, myth history, ostalgie, spiritual life of society.